

В. П. Скобелев

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ИСКА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

«С вопросом о сущности иска встречаются все юристы, как теоретики, так и практики. Разрешение его весьма важно для них. Казалось бы поэтому, что он должен быть уже давно разрешен. К сожалению, этого нет: мы имеем лишь массу теорий, направленных на его разрешение; в них намечены некоторые черты этого явления, выяснены второстепенные подробности, но вопрос о сущности его остается, можно сказать, открытым»¹. Эти слова, сказанные более столетия тому назад известным русским процессуалистом Е. А. Нефедьевым, думается, не потеряли своей актуальности и по настоящий день, так как и в современной литературе указывается на то, что вопрос о понятии иска является одним из самых спорных², а «проблема иска сложна и многогранна, как никакая другая проблема в науке гражданского процесса»³. В этой связи представляется необходимым еще раз обратиться к рассмотрению вопроса о сущности иска в гражданском процессе.

В процессуальной доктрине было предложено несколько классификаций научных направлений в понимании иска⁴. На наш взгляд, все эти классификации весьма сходны между собой, в той или иной мере повторяют друг друга, а потому и не имеют сколь-нибудь принципиальных отличий. В связи с этим нами избрана в целях дальнейшего исследования следующая наиболее традиционная классификация теоретических школ понимания иска.

Так, первая группа авторов, к числу которых можно отнести С. Н. Абрамова, Е. В. Васильковского, М. А. Гурвича, П. Ф. Елисейкина, Н. Б. Зейдера, В. П. Чапурского и других ученых, полагают, что существует два самостоятельных понятия иска – в материальном и в процессуальном смысле. Иск в процессуальном смысле является институтом гражданского процесса и представляет собой требование заинтересованного лица к суду о защите субъективного права или охраняемого законом интереса. Иск в материальном смысле – это материально-правовое требование истца к ответчику, составляющее предмет регулирования гражданского права⁵.

Другие ученые – Н. И. Авдеенко, А. А. Добровольский, С. А. Иванова, А. Ф. Клейнман, Т. В. Сысуев, Д. М. Чечот, Я. Л. Штутин – рассматривают иск как единое понятие, сочетающее в себе материально-правовую и процессуально-правовую стороны. Отличие данной концепции от предыдущей состоит в том, что представители настоящего направления объединили в одно понятие иск в материальном и иск в процессуальном смысле⁶.

Наконец, по мнению таких авторов, как Г. О. Аболонин, К. И. Комиссаров, Г. Л. Осокина, В. М. Семенов, В. Н. Щеглов, К. С. Юдельсон, В. В. Янков, иск является чисто процессуальным институтом, представляющим собой требование к суду о защите нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса⁷.

Как видно, главное различие между представленными концепциями состоит в той роли и значении, которые отводятся в них материально-правовому компоненту в понятии иска. Поэтому вопрос о сущности иска непосредственно связан с

проблемой соотношения материального и процессуального права вообще, корни которой, как представляется, уходят еще в римское право.

Обращаясь к римскому праву, необходимо отметить, что оно, вследствие некоторых особенностей своего исторического развития, представляло собой по сути не систему гражданских прав, а систему гражданских исков. Римского юриста скорее интересовал вопрос не о том, какое именно гражданское право имеется в том или ином конкретном случае, сколько вопрос о том, что именно и каким образом *можно осуществить в судебном порядке*. Отсюда и своеобразный процессуально-правовой образ мышления римских юристов, которые «чаще скажут, что лицо управомочено на иск или отвечает по иску, чем что оно имеет право или несет обязанность»⁸. Таким образом, в римском праве материально-правовое требование и иск были между собой тесно связаны и, можно сказать, в известной степени даже отождествлялись. Но если материально-правовое притязание мыслится тождественным иску, находит в нем свое выражение, то и последний, очевидно, в свою очередь можно определить как материально-правовое требование, допускающее принудительное осуществление при помощи суда.

Подобный «строй юридического мышления, – по меткому замечанию М. А. Гурвича, – значительно пережил породившие его условия»⁹. Так, в Новое время в процессуальной доктрине широкое распространение получила точка зрения, согласно которой иск¹⁰ понимался в качестве присущей субъективным гражданским правам возможности принудительного осуществления при помощи судебной власти. При этом соотношение между субъективным гражданским правом и иском определялось по-разному. Иск рассматривали в качестве особого гражданского права, возникающего вследствие нарушения субъективного права, элемента, свойства субъективного права, и даже в качестве самого субъективного права в его динамическом, боевом состоянии¹¹.

Вместе с тем относительно сущности иска в римском праве хотелось бы сделать несколько замечаний, которые, как представляется, упускались из виду сторонниками только что приведенной концепции. Прежде всего, следует сказать, что римский магистрат составлял формулу, т. е. предоставлял иск, не потому, что был убежден в наличии у заинтересованного лица субъективного права. Предоставление исковой формулы в условиях, когда уровень нормативного регулирования существенно отставал от стремительно развивающегося имущественного оборота, было лишь признанием того, что данное требование заинтересованного лица является правовым, а следовательно, подлежащим защите. Но претор не решал вопрос о действительном существовании данного притязания, это относилось уже к компетенции судьи, в противном случае отпала бы сама необходимость в существовании второй стадии римского процесса – *in iudicio* – у судьи. Предоставлением иска римский магистрат лишь придавал правовую оболочку некоторой абстрактной модели поведения субъектов имущественного оборота, не урегулированной позитивным правом, т. е. имел дело с правоотношением как с абстракцией. По сути, иск являлся «самостоятельным выражением права»¹², т. е. тем, чем в настоящее время является право в объективном смысле. И если римлянин говорил, что у него есть иск, подразумевая под этим наличие права, то понимать это выражение в первую очередь нужно в том смысле, что требование данного лица, если вообще и существует, то носит не фактический, а правовой, санкционированный государст-

венной властью характер. Следовательно, иск и субъективное материальное право *не всегда корреспондируют* друг другу.

Не получил также должной оценки тот ставящий под сомнение наличие у субъективного права способности к принудительному самоосуществлению факт, что обращение заинтересованного лица к магистрату представляло собой не что иное, как обращение к представителю *публичной власти* с просьбой *о предоставлении защиты*.

Игнорирование двух указанных моментов и привело сторонников отмеченной выше концепции к выводу о том, что субъективному материальному праву имманентно присуща способность к принудительному осуществлению, для реализации которой достаточно лишь придать притязанию определенную форму – форму иска. Поэтому «иск – самая важная, самая частая, самая решительная форма требования»¹³, «в предъявлении иска осуществляется само гражданское право»¹⁴. Подобное понимание иска в некоторой степени оправдано для римлян, которые «смотрели на право как на нечто движущееся, борющееся, деятельное»¹⁵. «Actio (иск) имеет для римского юриста не только процессуальный, но и материальный смысл: «agege» относится не просто к попытке вчинить иск, но указывает на совершение юридически значимого действия, основанного на праве (и говоря современным языком, обозначает право в действии)»¹⁶. Однако с точки зрения современной юриспруденции такое понимание иска нельзя признать верным.

В этой связи обратимся к анализу концепции единого понятия иска, сочетающего в себе материально-правовую и процессуальную стороны. Представляется, что сторонники данной точки зрения лишь несколько модифицировали римско-правовое понятие иска, включив в него помимо материально-правового требования к ответчику еще и требование заинтересованного лица к суду о защите. Наиболее ярко сходство рассматриваемой концепции с конструкцией иска в римском праве прослеживается на примере позиции А. А. Добровольского. Так, под иском автор понимает предъявленное в суд для рассмотрения в определенном процессуальном порядке материально-правовое требование одного лица к другому¹⁷. То есть, как и в римском праве, иск представляет собой материально-правовое требование, облеченное в некоторую процессуальную форму. Примечательно, что определение А. А. Добровольского практически идентично дефиниции иска, данной, безусловно, под влиянием римских правовых идей К. Д. Кавелиным еще в 1844 г., как всякого требования одного гражданина от другого, на праве основанного и приводимого в исполнение через посредство судей и судебных мест¹⁸. А. А. Добровольский также указывает, что, предъявляя иск, «заинтересованное лицо тем самым *дает ход* (выделено нами. – В. С.) своему материально-правовому требованию к ответчику»¹⁹.

Подобные взгляды вызывают ряд возражений. Согласно анализируемой концепции материально-правовое требование, будучи неотъемлемой стороной иска, служит и средством возбуждения процесса, и предметом деятельности суда²⁰. Создается, по сути, парадоксальная ситуация: в одном случае материально-правовое требование является *средством* защиты, а в другом – *предметом* защиты²¹.

Далее, концепция единого понятия иска так и не раскрывает сущность метаморфозы, происходящей с материально-правовым притязанием после обращения в

суд. Почему оно превращается уже в совсем иное качество, а именно: иск? Только лишь потому, что подлежит рассмотрению в определенном процессуальном порядке? Но, как представляется, на *существо*, на *содержание* материально-правового требования это влиять не может и не должно. После предъявления иска оно по своим качественным характеристикам остается таким же, каким было и до возникновения процесса.

Очевидно, что в самом субъективном праве, материально-правовом притязании тщетно искать те силы, которые смогли бы осуществить принудительную, т. е. помимо и вопреки воле обязанного лица, реализацию нарушенного права²². В этом случае единственным правовым способом разрешения конфликта является обращение за содействием к государству, располагающему соответствующим аппаратом принуждения. Не случайно еще в XIX в. в противовес римско-правовому пониманию иска в науке появились концепции, в которых иск и право на иск рассматривались уже в качестве категорий, характеризующих обращение заинтересованного лица за защитой к государству в лице суда²³. Ведь «если бы притязание само по себе способно было защитить выраженное в нем нарушенное или оспариваемое право, т. е. могло бы быть средством самозащиты, то не было бы смысла в обращении истца к суду»²⁴.

Но если защиту осуществляют компетентные органы государства, т. е. суды, то и с иском необходимо обращаться к ним, а не к обязанной в правоотношении стороне²⁵. То, что в исковом заявлении указывается ответчик, еще не означает того, что истец предъявляет к нему материально-правовое требование. Истец лишь указывает суду на того, по отношению к кому он ищет защиты, «обозначает то направление, в котором он ожидает ограждения со стороны государства»²⁶. Поэтому иск предъявляется *к* суду, но *против* ответчика²⁷. Ученые еще в начале XIX в. верно подметили, что выражение ответчик подлежит ответу перед истцом является неточным и сокращенным²⁸.

Нельзя не учитывать также то, что зачастую истец никакого требования к ответчику не предъявляет, например, по отрицательным искам о признании. Но если ответчик и обязан совершить в пользу истца какие-то действия, то непосредственное требование истца к ответчику, как правило, не имеет юридического значения²⁹. Такое значение заявленное требование будет иметь только в том случае, если законом в качестве одного из условий реализации права на обращение в суд предусмотрена необходимость предъявления к нарушителю права претензии, которую Г. Л. Осокина и называет материально-правовым требованием одного участника спорного материального отношения к другому в собственном смысле. Но совершенно очевидно, что «бесполезно дважды обращаться к одному и тому же субъекту с требованием, которое при первом обращении именуется претензией, а при втором – иском»³⁰.

Наконец, существуют иски, которые, если их рассматривать как материально-правовые требования истца к ответчику, предъявленные для рассмотрения и разрешения в определенном процессуальном порядке, в принципе не могут быть адресованы ответчику, например, о признании сделки недействительной³¹, об освобождении имущества от ареста (исключении из описи).

В некоторых случаях материально-правовая сторона единого понятия иска просто «не срабатывает». Так, действующее гражданское процессуальное законо-

дательство допускает предъявление от своего имени иска в защиту прав и законных интересов других лиц так называемыми «процессуальными истцами» – прокурором (ст. 81 ГПК) и субъектами, указанными в ст. 85–87 ГПК. Однако никакого материально-правового требования к противной стороне, т. е. к ответчику, эти участники процесса заявить не могут, так как попросту не состоят, даже предпочтительно, с ней в материально-правовых отношениях. Тем не менее законодательство называет их требования также иском – ч. 1 ст. 81, ч. 1, 2 ст. 88 ГПК³². Не спасает положения и аргумент А. А. Добровольского о том, что в указанных случаях закон называет (ч. 2 ст. 60, ч. 1 ст. 82, ч. 1 ст. 88 ГПК) истцом то лицо, в защиту прав охраняемых законом интересов которого подано заявление прокурором, государственным органом, юридическим лицом или гражданином³³. Думается, главным признаком такого участника процесса, как истец, является все-таки то, что он является действительным или предполагаемым обладателем спорного права или интереса, подлежащего защите³⁴. Именно данный признак, а не действие по предъявлению иска, обуславливает содержание и характер принадлежащих истцу прав, в том числе и так называемых диспозитивных.

Далее, определение иска как материально-правового требования истца к ответчику оставляет без объяснения, а иногда и просто противоречит целому ряду правил исковой давности, представляющей собой срок, в течение которого государство берет на себя гарантии защиты прав и охраняемых законом интересов³⁵. Так, например, если допустить, что иск является материально-правовым требованием, то истечение срока исковой давности должно было бы являться препятствием (ввиду погашения материального притязания, т. е. иска) к *возбуждению* процесса, а не основанием, если о применении данного срока заявлено стороной в процессе, к вынесению судом решения об отказе в иске (п. 2 ст. 200 ГК). При таком подходе к пониманию иска являлось бы также непонятным, почему исполнение должником своей обязанности по истечении срока исковой давности препятствует требовать исполненное обратно (ст. 207 ГК). Ведь если материально-правовое требование, т. е. иск погашается вследствие истечения срока исковой давности, то полученное кредитором представляет собой неосновательное обогащение.

Признание материально-правового требования необходимой составляющей любого иска должно приводить и к выводу о том, что отказ от иска всегда должен быть сопряжен и с отказом истца от соответствующих материальных притязаний к ответчику. Не касаясь вопроса о том, насколько такой вывод соответствует реалиям правоприменительной практики³⁶, отметим, что он противоречит прежде всего ч. 1 ст. 137 ГПК, признающей существование отказа от иска без (ввиду их удовлетворения) одновременного отказа от материально-правовых требований.

В других случаях может «бездействовать» процессуально-правовая сторона единого понятия иска. В частности, это справедливо в отношении института обеспечения иска. Так, и сами сторонники анализируемой концепции – А. А. Добровольский и С. А. Иванова – признают, что если в иске будет отсутствовать материально-правовая сторона, то нельзя будет правильно понять правовую природу института обеспечения иска, да и вообще в нем отпадет всякая необходимость³⁷. Более того, А. А. Добровольский непосредственно указывает, что обеспечить можно лишь материально-правовое требование к ответчику, а не требование к суду, которое в таком обеспечении не нуждается³⁸. Действительно, анализ норм главы 25

ГПК подтверждает, что меры по обеспечению иска по своей сути направлены не на то, чтобы обеспечить и гарантировать реализацию судом его обязанности рассмотреть и разрешить дело, а имеют целью только ограничить возможность распоряжения материальным предметом спора³⁹.

Весьма любопытным и оригинальным является следующий аргумент против концепции иска как единого явления, сочетающего в себе две стороны. П. В. Логинов полагает, что при таком подходе к пониманию иска его структуру должны характеризовать, как минимум, четыре элемента – два предмета и два основания, или шесть, если к числу таковых относить и способ защиты. Между тем традиционно в юридической литературе содержание иска раскрывается только через два элемента – предмет и основание⁴⁰.

Наконец, одно из самых существенных возражений против единого понятия иска, имеющее непосредственное практическое значение, заключается в том, что при решении вопроса о праве на предъявление иска судье пришлось бы выяснять правомерность предъявления не только процессуального требования к суду о защите, но и *материально-правового* требования истца к ответчику, хотя решение вопроса о праве на обращение в суд должно ставиться в зависимость от обстоятельств только процессуального порядка⁴¹, что непосредственно и следует из содержания ст. 245 ГПК. Утверждение А. А. Добровольского о том, что право на предъявление иска связано только с процессуальной стороной иска⁴², нельзя считать серьезным контраргументом против приведенного нами возражения, так как согласно мнению этого же ученого иск является *единым* понятием, а потому было бы нарушением правил формальной логики изолировать материально-правовую сторону от права на предъявление иска.

Таким образом, понимание иска как единого понятия, сочетающего в себе материально-правовую и процессуальную стороны представляется неверным. Самостоятельность материальных и процессуальных начал сохраняется не только в масштабе соответствующих отраслей права, но и на уровне более мелких их структурных подразделений, в том числе и такого института, как иск. «И если правоведы единодушны в признании иска как средства защиты нарушенного или оспариваемого права, то нельзя одновременно видеть в нем и нечто материально-правовое»⁴³.

В этой связи более приемлемой является концепция, выдвигающая тезис о существовании двух самостоятельных понятий иска – в процессуальном смысле и в материально-правовом. Думается, данная теория представляет собой попытку дифференциации материально-правового и процессуального начал в воспринятой многими европейскими учеными конструкции древнеримского иска. Вместе с тем последователи рассматриваемой теории не отказались от использования термина «иск» применительно к материально-правовым явлениям, в частности, к материальному притязанию, хотя и обозначали им феномены, по своей сути отличные от требования к суду, т. е. от иска в процессуальном смысле.

Чем же обусловлено использование одного и того же термина по отношению к совершенно различным понятиям? По всей видимости, причины кроются в следующем. Дело в том, что, скорее всего, под влиянием восточноримского, т. е. византийского права⁴⁴, уже начиная со средневековья в различных памятниках русского права термин «иск» употребляется для обозначения двух различных поня-

тий: 1) материально-правового требования истца к ответчику, в том числе и материальный предмет спора; 2) процессуальной деятельности истца, направленной на получение судебной защиты. В таких же значениях данный термин был использован в Законах Российской Империи о судопроизводстве и взысканиях гражданских, Уставе гражданского судопроизводства 1864 г.⁴⁵ Очевидно, что в плане преемственности в этом отношении не могли стать исключением и ГПК 1923 г., 1964 г. и, конечно же, действующее гражданское процессуальное законодательство Республики Беларусь. Тот факт, что в настоящее время термин «иск» используется законодателем в различных значениях, учеными уже отмечался⁴⁶. В частности, очевидно, что в ст. 120 ГПК «Цена иска» под «иском» понимается именно материально-правовое требование, так как цена иска – это размер требования заинтересованного лица в денежном выражении⁴⁷. В таком же значении употребляется термин «иск» применительно к институту признания иска, так как признать ответчик может лишь то требование, которое обращено к нему, но никак не требование, адресованное суду. Аналогична ситуация с обеспечением «иска», на что уже указывалось выше, с институтом соединения и разъединения «исковых требований», с изменением размера «исковых требований». Думается, то же самое можно сказать и в отношении «встречного иска», что особенно ярко видно на примере «встречного иска», направленного к зачету первоначального – ст. 253 ГПК. Примечательно, что в этом случае ХПК Республики Беларусь (ч. 1 ст. 167), ГПК РФ (ст. 138) и АПК РФ (ч. 3 ст. 132) используют термин не «встречный иск», а «встречное требование». В аналогичном значении термины «иск», «исковое требование» используются и в ряде других статей ГПК (ч. 1 ст. 63, ч. 1 ст. 137).

Такое использование термина иск в законодательстве М. А. Видуэт относит к недостаткам последнего, в связи с чем ею были высказаны пожелания относительно совершенствования юридической техники гражданского процессуального кодекса, в частности о необходимости обозначить материально-правовое требование термином «правопритязание», а обращение к суду – «иском»⁴⁸. Думается, однако, что эти рекомендации, в силу устоявшихся исторических традиций, вряд ли воплотимы в реальность и в этих условиях первостепенной задачей науки становится выявление и размежевание различных по своей сути явлений, обозначаемых в законодательстве одним и тем же термином.

Представляется, что концепция двух самостоятельных понятий иска с этой задачей в известной мере справилась. Поэтому полагаем, что последователи данной теории, рассматривая иск как процессуально-правовое понятие и четко отличая его от совершенно иного явления материально-правового характера, лишь *обозначаемого* ими, в силу определенных объективных причин, термином «иск», по сути, сходятся во мнениях со сторонниками исключительно процессуального понимания иска. Вместе с тем следует отметить, что некоторым представителям этих двух научных направлений все-таки не удалось избежать неточностей в трактовке иска. Так, например, С. Н. Абрамов, Е. В. Васильковский и В. М. Семенов полагают, что иск в процессуальном смысле является процессуальной формой иска в материальном смысле⁴⁹. В. В. Ярков определяет иск как обращенное в суд требование истца к ответчику⁵⁰. Г. Л. Осокина считает, что иск как требование заинтересованного лица к суду вытекает из спорного материального правоотношения⁵¹. Нетрудно заметить в этих высказываниях отголоски древнеримского понимания иска.

Таким образом, следует прийти к выводу, что иск представляет собой требование заинтересованного лица к суду о защите права или охраняемого законом интереса. Но выражение «требование о защите» носит довольно общий характер. В чем же конкретно состоит эта защита? В этой связи необходимо обратить внимание на мнение тех ученых, которые полагают, что целью иска, обуславливающей его сущность, является постановление судом решения⁵². Сущность любого решения заключается в императивном определении (установлении) материально-правового положения непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц⁵³. Следовательно, суть иска состоит в том, что он является *требованием* заинтересованного лица к суду об установлении материально-правового положения, в частности, наличия или отсутствия определенных материальных правоотношений между истцом и ответчиком. Думается, такое определение иска не исключает и конститутивные иски, так как такой иск направлен на установление материального правоотношения, являющегося основанием для преобразования, а также материального правоотношения – результата преобразования.

Судебная защита, на получение которой иск направлен, состоит прежде всего в установлении в решении суда материально-правового положения истца и ответчика. Конечно, за вынесением решения может последовать его принудительная реализация, но на этом этапе защита права осуществляется уже не в рамках искового требования, как полагают некоторые ученые⁵⁴, а в рамках требования к суду об исполнении решения.

В процессуальной доктрине существует мнение, что защита, на получение которой направлен иск, осуществляется одним из предусмотренных законом способов. В этой связи хотелось бы отметить, что такие выражения, как «признание», «присуждение», «преобразование», отражающие сущность основных способов защиты (в форме которых осуществляются все иные материально-правовые разновидности способов защиты⁵⁵), употребляются скорее «краткости ради, имея в виду, собственно говоря, обозначить этим эффекты благоприятного для истца решения»⁵⁶, т. е. обозначить определенное состояние и характер материальных правоотношений, установления которых истец требует у суда по отношению к ответчику. Поэтому, как представляется, «признание», «присуждение», «преобразование» относятся лишь к качественным характеристикам устанавливаемого судом материально-правового положения, а потому ничего и не меняют в предлагаемом нами определении иска.

На наш взгляд, отстаиваемое понимание иска обуславливает собой ряд весьма существенных последствий практической направленности. Так, в частности, очевидно, что отказ от иска представляет собой лишь отказ от судебного установления материально-правового положения по отношению к ответчику, но не отказ истца от правомочий, составляющих содержание этого материально-правового положения. Однако, к сожалению, не все ученые, рассматривающие иск в качестве сугубо процессуального понятия, адекватно определяют правовую природу отказа от иска. Так, например, Г. Л. Осокина, опираясь только на соображение о процессуальной экономии, полагает, что отказ от иска всегда сопряжен и с отказом от материально-правового требования к ответчику⁵⁷.

Предлагаемая концепция иска позволяет также выявить сущностные отличия встречного иска, направленного в зачет первоначального, от материально-

правового возражения о зачете. Материально-правовое возражение о зачете является, по сути, совершенной в процессе материально-правовой сделкой, регулируемой ст. 381 ГК, и раз такая сделка в одностороннем порядке прекращает обязательство, то, на наш взгляд, отказаться от материально-правового возражения о зачете после его заявления *нельзя*. Иную природу имеет встречный иск, направленный к зачету. Его нельзя рассматривать в качестве процессуальной формы материально-правового требования о зачете. Данный иск представляет собой требование ответчика к суду об установлении по отношению к истцу правоотношения, материальный объект которого однороден, а следовательно, может подлежать зачету, с соответствующим объектом материального правоотношения, которое истец требует у суда установить по отношению к ответчику. А потому отказ от встречного иска, направленного к зачету, и в этом одно из важных его отличий от материально-правового возражения о зачете, *возможен*.

Необходимо сказать, что зачет производит *суд*, а не *ответчик* путем предъявления своего встречного иска, так как такой иск не является по своей сути требованием к истцу о зачете, а лишь представляет собой требование к суду. Зачет производится судом лишь по результатам проверки наличия тех правоотношений, установления которых потребовали истец и ответчик в своих исках, и *только в момент вынесения решения*. Не случайно, думается, поэтому в ч. 2 ст. 253 ГПК говорится о том, что встречный иск *направлен* в зачет.

При этом следует заметить, что зачет возможен только при удовлетворении полностью или в части *обоих* исков – как первоначального, так и встречного⁵⁸, т. е. в том случае, если суд признал существующими те правоотношения, притязания, на установление которых были направлены первоначальный и встречный иски. Не случайно в ч. 9 ст. 193 ХПК указано, что при полном или частичном *удовлетворении* первоначального и встречного исков в резолютивной части решения хозяйственного суда указывается сумма, подлежащая взысканию в результате зачета в целом или в части. Аналогичная норма содержится и в ч. 5 ст. 170 АПК РФ. Поэтому и резолютивная часть решения должна содержать: 1) указание на удовлетворение в той или иной части *обоих* исков; 2) указание о проведении зачета; 3) о взыскании с соответствующей стороны суммы (если таковая останется), не покрытой зачетом.

В этой связи не можем согласиться с мнением Т. В. Сысуева о том, что при проведении зачета требований по первоначальному и встречному искам суд в резолютивной части *отказывает в удовлетворении* первоначального и встречного исков в той части, в которой произведен зачет⁵⁹. Такая позиция обусловлена прежде всего тем, что автор включает в понятие иска материально-правовое требование истца к ответчику, в связи с чем встречный иск о зачете, по сути, является лишь процессуальной формой материально-правового требования о зачете. Следовательно, зачет осуществляется в момент предъявления такого иска, а на момент вынесения решения суд должен лишь проверить правомерность такого зачета, т. е. правомерность прекращения соответствующих обязательств, по сути уже отсутствующих в момент вынесения решения, что, конечно же, не может быть оформлено никаким иным образом, как отказом в иске. Выше нами уже приводилась развернутая аргументация против подобной конструкции иска, повторять которую здесь было бы излишне. Отметим лишь некоторую непоследовательность во взглядах

Т. В. Сысуева, который несколькими страницами выше утверждает, что «при предъявлении встречного иска, направленного к зачету, ответчик ... указывает суду на наличие у него самостоятельных требований к истцу, *удовлетворение которых* (подчеркнуто нами. – В. С.) приводит к невозможности удовлетворения первоначальных исковых требований»⁶⁰.

В заключение хотелось бы сказать, что автор настоящего исследования отнюдь не претендует на абсолютную истинность своих выводов и взглядов и надеется, что они послужат еще одной ступенькой на пути к постижению такого сложного процессуального феномена, каким является иск.

---

¹ *Нефедьев Е. А.* Учение об иске // Ученые записки Казанского университета. 1895. № 2. С. 78.

² Гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. В. В. Ярков. М., 2004. С. 255.

³ *Кориунов Н. М., Мареев Ю. Л.* Гражданский процесс: Учеб. для вузов. М., 2004. С. 273.

⁴ *Аболонин Г. О.* Групповые иски. М., 2001. С. 6–11.

⁵ *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. 1. С. 592–604; Гражданский процесс. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2001. С. 397; Гражданский процесс. Хрестоматия: Учеб. пособие / Под ред. М. К. Треушниковой. М., 2005. С. 422–423; *Добровольский А. А.* Исковая форма защиты права (основные вопросы учения об иске). М., 1965. С. 21; Советский гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М. А. Гурвича. М., 1967. С. 119–122; Советский гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. М., 1978. С. 145.

⁶ Гражданский процесс БССР: Учеб. пособие для юрид. вузов / Под ред. Н. Г. Юркевича, В. Г. Тихини. Мн., 1980. Ч. 2. С. 13–14; Гражданский процесс. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2001. С. 397–401; Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М. К. Треушниковой. М., 2000. С. 187–189; Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 2001. С. 190; *Добровольский А. А.* Указ. соч. С. 11–48; *Клейнман А. Ф.* Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (очерки по истории). М., 1967. С. 27–30.

⁷ *Аболонин Г. О.* Указ. соч. С. 11–12; Гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. В. В. Ярков. М., 2004. С. 256–257; *Комиссаров К. И.* Некоторые аспекты соотношения гражданского и гражданско-процессуального права // Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав: Сб. учен. тр. 1973. Вып. 27. С. 81; *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004. С. 444–450; Советский гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. М., 1978. С. 146–147; *Щеглов В. Н.* Иск о судебной защите гражданского права: Лекции для студентов. Томск, 1987. С. 12–16.

⁸ *Дождев Д. В.* Римское частное право: Учеб. для юрид. вузов / Под ред. В. С. Нерсесянца. М., 2002. С. 185–186.

⁹ *Гурвич М. А.* Право на иск. М.; Л., 1949. С. 8.

¹⁰ В литературе указывается, что термин «иск» в этом случае используется лишь в смысле права на иск, права на судебную защиту. Причем необходимость такого понимания указанного термина объясняется ссылкой на определение иска, данное римским юристом Цельсом: иск – не что иное, как право требовать судом того, что тебе следует. См. *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 611–612. Представляется, однако, что в определении Цельса слово «требовать» употреблено только в материально-правовом смысле как требование к ответчику, а не как требование к суду о защите права. Поэтому и в анализируемой концепции термин «иск» обозначает не право на судебную защиту, а черпающее свои основания в римском праве понятие именно иска как явления, в той или иной мере тождественного материальному притязанию.

¹¹ *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 612–613; *Рязановский В.* Единство процесса // Сб. тр. проф. и преподавателей Иркут. гос. ун-та. 1921. Вып. 1. С. 37.

¹² *Гурвич М. А.* Указ. соч. С. 10.

¹³ *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 598.

¹⁴ *Нефедьев Е. А.* Указ. соч. С. 87.

-
- ¹⁵ Салогубова Е. В. Римский гражданский процесс. М., 2002. С. 38.
- ¹⁶ Дождев Д. В. Указ. соч. С. 186.
- ¹⁷ Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. М., 1979. С. 17.
- ¹⁸ Гражданский процесс. Хрестоматия: Учеб. пособие / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 419–420.
- ¹⁹ Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 15.
- ²⁰ Там же. С. 12.
- ²¹ Логинов П. В. К вопросу об элементах иска в гражданском процессе // Проблемы социалистической законности: Респ. межвед. науч. сб. Харьков, 1982. Вып. 10. С. 49.
- ²² Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 499.
- ²³ Васковский Е. В. Указ. соч. С. 593, 615–624; Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906. С. 73–126; Рязановский В. Указ. соч. С. 45.
- ²⁴ Логинов П. В. Указ. соч. С. 49.
- ²⁵ Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 445; Щеглов В. Н. Указ. соч. С. 12.
- ²⁶ Гордон В. М. Указ. соч. С. 121.
- ²⁷ Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 449; Щеглов В. Н. Указ. соч. С. 22.
- ²⁸ Гордон В. М. Указ. соч. С. 123.
- ²⁹ Щеглов В. Н. Указ. соч. С. 40.
- ³⁰ Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 445, 446.
- ³¹ Там же. С. 446.
- ³² Там же. С. 445.
- ³³ Курс советского гражданского процессуального права / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 1. С. 420.
- ³⁴ Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 150.
- ³⁵ Там же. С. 446–447.
- ³⁶ Скобелев В. П. Некоторые вопросы института законной силы в теории и судебной практике // Юстиция Беларуси. 2004. № 8. С. 72–73.
- ³⁷ Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2000. С. 188; Добровольский А. А. Указ. соч. С. 23; Добровольский А. А., Иванова С. А. Указ. соч. С. 132.
- ³⁸ Курс советского гражданского процессуального права / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 1. С. 413.
- ³⁹ Гражданский процесс. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2001. С. 455.
- ⁴⁰ Логинов П. В. Указ. соч. С. 50.
- ⁴¹ Комиссаров К. И. Указ. соч. С. 81.
- ⁴² Курс советского гражданского процессуального права / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 1. С. 432.
- ⁴³ Комиссаров К. И. Указ. соч. С. 81.
- ⁴⁴ Салогубова Е. В. Указ. соч. С. 16–37.
- ⁴⁵ Нефедьев Е. А. Указ. соч. С. 81–85.
- ⁴⁶ Вкут М. А., Зайцев И. М. Гражданский процесс: Учеб. М., 2001. С. 198–199; Кориунов Н. М., Мареев Ю. Л. Указ. соч. С. 273–274.
- ⁴⁷ Гражданский процесс. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2001. С. 523.
- ⁴⁸ Вкут М. А., Зайцев И. М. Указ. соч. С. 198–199.
- ⁴⁹ Васковский Е. В. Указ. соч. С. 605–606; Гражданский процесс. Хрестоматия: Учеб. пособие / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 423; Советский гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. К. И. Комиссаров, В. М. Семенов. М., 1978. С. 147.
- ⁵⁰ Гражданский процесс: Учеб. / Отв. ред. В. В. Ярков. М., 2004. С. 257.
- ⁵¹ Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 449.

-
- ⁵² *Васьковский Е. В.* Указ. соч. С. 593; *Гордон В. М.* Указ. соч. С. 4; Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 2001. С. 188; Гражданский процесс. Хрестоматия: Учеб. пособие / Под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 443; *Гурвич М. А.* Учение об иске (состав, виды). М., 1981. С. 5; *Рязановский В.* Указ. соч. С. 45.
- ⁵³ *Скобелев В. В.* Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 2005. С. 4.
- ⁵⁴ Курс советского гражданского процессуального права / Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981. Т. 1. С. 417; *Щеглов В. Н.* Указ. соч. С. 13, 33.
- ⁵⁵ *Гурвич М. А.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵⁶ *Гордон В. М.* Указ. соч. С. 113.
- ⁵⁷ *Осокина Г. Л.* Указ. соч. С. 167.
- ⁵⁸ *Щеглов В. Н.* Указ. соч. С. 144.
- ⁵⁹ Гражданский процесс. Общая часть: Учеб. / Под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Мн., 2001. С. 454–455.
- ⁶⁰ Там же. С. 451.